

**Татьяна Балущ, Анжела
Чуханова**

**Личное имя как свернутый
национально-культурный текст и
его репрезентация в
художественном дискурсе**

Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego nr 2, 116-130

2014

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Татьяна Балаш
Анжела Чуханова

**Личное имя
как свернутый национально-культурный текст
и его репрезентация в художественном дискурсе**

В истории каждого народа можно выделить отдельные имена, носители которых олицетворяют определенную эпоху и имеют исключительно национальные коннотации, конденсируют основные характеристики конкретного этноса. Одной из ключевых фигур, являющихся символическим выражением русского национального характера, является Степан Разин. Цель настоящего исследования заключается в выявлении особенностей концептуализации имени *Степан Разин* в художественной картине мира В.М. Шукшина. Для Шукшина он стал, во-первых, самой яркой исторической фигурой, с которой писатель связывал свое потомственное родство, а во-вторых, для автора Степан Разин – это герой, который силой поднятого восстания пробудил в народе желание освободиться от внешних оков, дал ему духовную, внутреннюю волю. В текстах произведений В.М. Шукшина имя *Степан Разин* на уровне вертикального контекста соотносится с Иисусом Христом, Георгием Победоносцем, героями былинного эпоса. Использование этого национально маркированного имени, которое выступает как архетип национального характера, свернутый национально-культурный текст, способствует расширению границ художественного дискурса.

Ключевые слова: национально-культурный текст, художественный дискурс, национально маркированное имя, культурный код, когнитивное пространство писателя, вертикальный контекст.

«Имя есть собственное слово личности, то слово, которое только она одна может дать и выявить о себе. В имени – диалектический синтез личности и ее выраженности, ее осмысленности, ее словесности. <...> Имя есть то, что выражено в личности, что выявлено в ней, то, чем она является и себе и всему иному» [Лосев]. Так А.Ф. Лосев охарактеризовал идентифицирующую и структурообразующую функции личного имени, границы понимания которых значительно расширились на рубеже XX – XXI вв. В научных трудах по проблемам ономастики конца XX – начала XXI столетия акцент переносится на возможность интерпретации культур через посредство ключевых слов, а национально маркированное личное имя приобретает статус особого культурологического кода, словесного знака, способного аккумулировать информацию национального ха-

рактера и функционировать как свернутый диахронический национально-культурный текст.

В истории каждого народа можно выделить отдельные имена, особо для него значимые, носители которых оставили свой след в истории страны. Такие имена олицетворяют определенную эпоху и имеют исключительно национальные коннотации, конденсируют основные характеристики этноса. Одной из ключевых фигур, являющихся символическим выражением русского национального характера в комплексе его противоречий, достоинств и недостатков, является Степан Разин.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении особенностей концептуализации имени *Степан Разин* в русской художественной картине мира, в частности в творчестве В. М. Шукшина.

О национально-культурной специфике русского народа и факторах, его формирующих, писали как русские, так и зарубежные ученые. По мнению Ли Инаннь, формирование русского национального характера происходило под влиянием разнообразных географических, исторических и социальных факторов, таких как ландшафт и суровая природа Восточно-Европейской равнины, принятие христианства в византийской форме, длительное существование общинных отношений и другое. Промежуточное положение России между Европой и Азией наложило глубинный отпечаток на менталитет и поведение русских, стало причиной развития в русском характере полярных качеств [Ли Инаннь 1999, с. 153]. Наблюдения и выводы, сделанные китайским ученым, коррелируют с взглядами известного русского мыслителя Н. А. Бердяева, который в 1946 году писал: «Русский народ есть в высшей степени поляризованный народ, он есть совмещение противоположностей. Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное» [Бердяев 1990, с. 78]. «Русский народ с одинаковым основанием можно характеризовать как народ государственно-деспотический и анархически-свободолюбивый, как народ, склонный к национализму и национальному самомнению, и народ универсального духа, более всех способный к всечеловечности, жестокий и необычайно человечный, склонный при-

чинять страдания и до болезненности сострадательный <...> русский народ был народом государственным – и вместе с тем это народ, из которого постоянно выходила вольница, вольное казачество, бунты Стеньки Разина <...> народ, искавший нездешнего царства правды» [Гурская 1995, с. 15]. Фигура Степана Разина становится для Н. А. Бердяева символическим выражением русского национального характера: «С одной стороны, русский народ смиренно помогал образованию деспотического, самодержавного государства. Но с другой стороны, он убегал от него в вольницу, бунтовал против него. Стенька Разин – характерно русский тип, представитель «варварских казаков», голытьбы». «Русские – бегуны, разбойники. И русские – странники, ищущие Божьей правды» [Бердяев 1990, с. 82; 80]. Имя Степана Разина вошло в историю России в XVII веке и, являясь своеобразным свернутым диахроническим национально-культурным текстом, продолжает жить в сознании людей и осваиваться на уровне фольклорного, когнитивного и художественного сознания на протяжении трех столетий [Гурская 1995, с. 28].

К исследованию этого образа неоднократно обращались ученые. Имя Степана Разина эксплицировалось на разных уровнях сознания: фольклорном (Е.А. Александрова, А.Н. Афанасьев, К.В. Чистов, Л.С. Шептаев), научно-философском (Н.А. Бердяев, В.О. Ключевский, Н.И. Костомаров, В.С. Соловьев). Одним из первых к созданию художественного образа Степана Разина обратился А. С. Пушкин в своих «Песнях о Стеньке Разине» (1826). Особенно многочисленна дооктябрьская разиниана. И это не случайно, поскольку история России на рубеже веков отдельными своими чертами напоминала события Смутного времени. В это время выходит в свет «Стенька Разин» К.Н. Хрущова-Сокольниковой, «Против течения» Н.В. Казанцева, «За чьи грехи?» Д.Л. Мордовцева, «Кровавый пир» А.Е. Зарина, «Понизовая вольница атамана Стеньки Разина» М.Д. Соколова. В 20-е гг. А.П. Чапыгин пишет свой роман «Степан Разин» (1926), а в 1950-е – появляется «Степан Разин» С.П. Злобина. На уровне когнитивного и художественного сознания имя Степан Разин осваивают также М. Волошин – поэма «Стенькин суд» (1917), Б. Пильняк – роман «Голодный год»

(1920), В. Хлебников – поэма-перевертень «Разин» (1913), поэма «Уструг Разина» (1921–1922), прозаическое произведение «Две Троицы, Разин напротив» (1921–1922), М. Цветаева – поэтический цикл «Стенька Разин» (1917). Прошло время, и к этому образу обратился в своем творчестве В.М. Шукшин, а также Е. Евтушенко в поэме «Братская ГЭС» (1983).

Такая широкая актуализация имени Степана Разина позволяет сделать вывод о его значимости для русского национального самосознания.

Особое место имя Степана Разина заняло в жизни и творчестве В.М. Шукшина: оно стало структурообразующим элементом когнитивного пространства писателя, заняло одну из ключевых позиций в авторской картине мира. То, что думы о Разине не покидали В. М. Шукшина, жили в его сознании, подтверждают воспоминания современников: *Е. Лебедев*: «Я не раз задумывался над тем, что такое для Василия Шукшина Разин и почему он отдал ему столько лет жизни. Одержимость идеей воплотить образ Разина на экране он пронес через все творчество» [Шукшин 1998, с. 444]; *М. Ульянов*: «Степан Разин! Сколько лет, сколько сил, сколько крови и жизни отдал ему Василий Макарович. Этот образ «томил» его, как он, бывало, говорил. А выхода практического не было...» [Шукшин 1998, с. 447]; *И. Золотусский*: «Я видел Шукшина один раз. Было это в Центральном Доме литераторов в 1965 году. Шукшин сразу, как только нас познакомили, отвел меня за пустой стол, усадил напротив и стал рассказывать. Рассказывал он о Степане Разине. <...> Помню, это было страстное излияние человека, который переполнен и которому нужно излиться. Так говорят всем о своей нечаянной радости, так делятся со встречным-поперечным тем, что жжет душу» [Распутин 1984, с. 41].

Степан Разин был для В.М. Шукшина самой яркой исторической фигурой, с которой писатель связывал свое потомственное родство. О своем поволжском происхождении автор намекает в романе «Я пришел дать вам волю», в беседе «патриарха» со Степаном: *А вот почесть мои родные места. Там вон в Волгу-то, справа, Сура вливается, а в Суру – малая речушка Шукша. Она разошлась, деревня-то. <...> В Сибирь-то много собралось. Прослышали: земли там вольные...* [Шукшин 1998,

кн. 6, с. 326–327]. Архивные материалы подтверждают предположения В. М. Шукшина: «По документам Всероссийской сельскохозяйственной и городской переписи 1916–1917 годов явствует, что прадед Шукшина по отцу приехал в Сростки из Самарской губернии в 1867 году. Туда же переселился и дед Шукшина по матери. Так самарцы стали сибиряками» [Явинский 1979, с. 5]. Сибирское происхождение писателя отразилось на особенностях его характера: «Вольнолюбие, способность к самоотречению, чувство справедливости – черты, которые носил в сердце Василий Макарович, и определили <...> кровное родство, ту «пуповину», которая соединяла писателя и героя» [Лебедев 1979, с. 103–104].

Как предмет особого интереса Степан Разин входит в сознание писателя с детства и не покидает его до последних дней жизни. Еще в школьные годы запала ему в душу песня на слова Д. Н. Садовникова «Из-за острова на стрежень...».

К освоению имени Степана Разина на уровне художественного сознания В. М. Шукшин приступил в начале 1960-х гг., опубликовав рассказ «Стенька Разин» (1962). В этом произведении Степан Разин – объект мечтаний главного героя. Васека вырезает фигуру Стеньки из какой-то коряги, стараясь достичь сходства с тем образом, который вынашивает в голове и о котором ему рассказывает местный учитель Вадим Захарович. Определенные черты нравственного облика Разина – независимость, вольнолюбие, справедливость, великодушие, любовь к людям – составляют круг идеалов Васеки.

Ольга Фонякина из повести «Там, вдали...» (1966) знакомится в клубе с молодым учителем истории, и первый вопрос, который у нее возникает, это: *Интересно, как он о Стеньке Разине рассказывает: «Дорогие дети, Степан Тимофеевич был человек энергичный и очень мужественный...»?* [Шукшин 1998, кн. 1, с. 144].

В «Калине красной» (1973) В. М. Шукшин вновь вернется к Стеньке Разину на уровне вертикального контекста. Автор проводит скрытую параллель между Егором Прокудиным и вожаком крестьянского бунта. Уже сама фамилия героя наделена особым смыслом. Прокудин восходит к диалектному глаголу «прокудить», что означает ‘шалить, дурить, проказничать, тво-

ритель пакости' [Даль 1978, с. 491]. Существительное «прокуда» содержит в себе семы 'проказа, ущерб, беда, порча, убыток, грех' [Даль 1978, с. 491]. Так же, как и Разин, бунтует Прокудин, нет для него закона. Как видим, история повторяется вновь и вновь. И как каждый индивид, представитель определенного общества, Егор ищет смысл своего существования. Прокудин – это Степан Разин ХХ века.

Старик Байкалов, чтобы «срезать» Егора, унять его бунтарский пыл, говорит:

– <...> *Видали мы таких <...> разбойников! Стенька Разин нашелся* [Шукшин 1998, кн. 5, с. 222].

В киноповести «Печки-лавочки» (1975) облик Стеньки Разина является во сне Нюры, главной героини произведения:

Нюра спит.<...> Но вот какая-то далекая тревога отразилась на ее спокойном лице.

Она увидела сон.

Распахнулся огромный, с плющом, с фикусами в огромных кадках, сверкающий зал ресторации. <...>

С трудом пробралась Нюра через гремящий, орущий, бесноватый зал. <...> И вышла к столу, где пирует ее Иван, славно пирует!..

Нюра <...> пошла к столу. <...> И с ее шагами, сперва тихо, потом громче стала нарастать удаляя, вольная музыка «Из-за острова на стрежень».

И сам Иван сидит за столом в облике Стеньки Разина. И грозно смотрит на Нюру [Шукшин 1998, кн. 5, с. 175–176].

Сон, как считают ученые [Лотман 1987], является традиционным приемом введения текста в текст, в котором удвоение выступает как наиболее простой вид кодовой организации.

Упоминание в повести имени Степана Разина – это еще одно доказательство того, что нрав Разина, его способность совершать поступки, не задумываясь об их последствиях, – черта многих шукшинских героев.

В сказке «До третьих петухов» (1974) образ атамана устойчиво связывается в сознании читателя с именами богатырей былинного эпоса, а также с Георгием Победоносцем, убивающим Змея: Стенька Разин спешит на помощь к Ивану-дураку, вступает в единоборство со Змеем Горынычем и одерживает победу.

Раздумьям о Степане Разине, художественному воплощению его образа В.М. Шукшин посвятил годы. И все же мысль о создании фундаментального произведения о Разине преследовала писателя с середины 1960-х годов.

В 1962 году вышел третий том сборника документов о восстании 1669–1671 годов, изданного АН СССР, и «наша историческая наука получила возможность в полном объеме исследовать крупнейшее народное движение XVII века. На смену многим домыслам и «белым пятнам», поневоле бытовавшим ранее в силу недостаточной изученности восстания, пришел основанный на достоверных источниках научный анализ, без которого, как известно, не может обойтись современное искусство, имеющее дело с историческим материалом» [Тюрин 1979, с. 78].

В.М. Шукшин неоднократно обращался к этому сборнику и другим специальным источникам, изучал архивные и музейные документы, собирая библиотеку о Разине. И был в жизни писателя момент, когда он понял, что Разин – это типично русский характер, «средоточие национальных особенностей русского народа, вместившееся в одну фигуру», как говорил сам Шукшин.

Роман «Я пришел дать вам волю» является своеобразным результатом авторских размышлений о вожаке крестьян. Уже в самом начале произведения, в первой характеристике, Степан Разин предстает перед нами как личность сложная, многогранная и противоречивая. *Это человек, разносимый страстями, – пусть сам он не всегда умеет владеть характером, безумствует, съедаемый тоской и болью души, но в глубине этой души есть жалость к людям, и живет-то она, эта душа, и болит-то...* [Шукшин 1998, кн. 6, с. 49]; *<...> весь он, крутой, гордый, даже самонадеянный, несговорчивый, порой жестокий, – в таком-то, жила в нем мягкая, добрая душа, которая могла жалеть и страдать. Это непостижимо, но вся жизнь его, и раньше, и после – поступки и дела его – тому свидетельство* [Шукшин 1998, кн. 6, с. 15].

Особенности характера Разина – импульсивность, вспыльчивость, эмоциональность – становятся причиной мно-

гих его деяний, не поддающихся объяснению, последствия которых терзают душу героя, не давая ей покоя.

Особо значима в этом плане сцена гибели персидской княжны. Еще вечером ласковый с персиянкой, Разин был настроен вернуть ее астраханскому шаху, наутро же он *на ходу* легко взял княжну, поднял и кинул в воду. Она даже не успела вскрикнуть <...> он проходил мимо княжны, его точно обожгло всего – он наклонился, взял ее и бросил. Теперь он возьмется жалеть ее, тосковать, злиться станет... [Шукшин 1998, кн. 6, с. 73].

Позже образ персиянки явится Разину во сне: *Стоит будто он на высокой-высокой горе, на макушке, а снизу к нему хочет идти молодая персидская княжна, но никак не может взобраться, скользит и падает. И плачет. Степану слышно. Ему жалко княжну, так жалко, что впору самому заплакать. А потом княжна – ни с того ни с сего – стала плясать под музыку. Да так легко, неистово... как бабочка в цветах затрепыхалась, аж в глазах зарябило. «Что она? – удивился Степан. – Так же запалиться можно». Хотел крикнуть, чтоб унялась, а не может крикнуть. И не может сдвинуться с места. <...> И тут увидел, что к княжне сбоку крадется Фрол Минаев, хитрый, сторожский Фрол, – хочет зарубить княжну. А княжна зашла в пляске, ничего не видит и не слышит – пляшет. У Степана от боли и жалости заломило сердце. «Фрол!» – закричал он. Но крик не вышел из горла – вышел стон. Степана охватило отчаяние... «Срубит, срубит он ее. Фро-ол!..» Фрол махнул саблей, и трепыхание прекратилось. Княжна исчезла. И земля в том месте вспотела кровью. Степан закрыл лицо и тихо закричал от горя, заплакал. <...> И проснулся [Шукшин 1998, кн. 6, с. 320–321]. Сон Степана Разина есть способ напомнить о содеянном и возможность все проанализировать, посмотреть на совершенное со стороны. А потом будут слезы, нежелание жить дальше, прошение о погибели:*

– *Братцы, срубите – и в воду, к чертовой матери. Никто не узнает. Не могу больше: грех мучает. Змеи сосать будут – не помру. Срубите! Срубите!!! Богом молю, срубите!.. Милые мои <...> помогите. Не могу больше. Тяжело [Шукшин 1998, кн. 6, с. 319].*

Неведомая сила руководит Стенькой Разиным. В Царицыне он не пощадил невинную душу, утопил мальчонку, сына местного воеводы, а в Астрахани, в церкви, рука у Разина поднялась порубить иконостас и изуродовать икону Божьей Матери. И только потом защемило сердце и дрогнула рука, *ужаснулся <...> постоял, тяжело дыша, глянул оторопело на саблю, точно не зная, куда девать ее <...> Степан бросил саблю в ножны, вышел из храма* [Шукшин 1998, кн. 6, с. 289].

Жесток Разин у Шукшина. Однако эту его жестокость писателю приходилось неоднократно отстаивать, оправдывать. Так, на заседании Художественного совета киностудии имени А.М. Горького 11 февраля 1971 г. он говорил: «Я подумал: а в чем же жизнестойкость образа Христа, если он работает столько времени? Это к вопросу о жестокости Образа. Ведь Христос был очень жестокий человек. Когда я впервые прочитал, что он своей матери сказал: а что у нас общего, – то, в сущности, он же оттолкнул ее. Но странным, чудовищным образом это становится ужасно жизненным. Это страшная сила, и это случилось потому, что авторы об этом учителе, пророке вдруг позволили себе так сказать и привнести такие черты в этот образ: когда мать отталкивается даже и по каким-то соображениям высокой миссии.

А как же Разин? Если этот день свободы на Руси занимался в кровавое утро, то как отнять у него жестокость?» [Шукшин 1998, кн. 6, с. 398].

Назначение Разина в истории России В. М. Шукшин видел в освобождении народа, в предоставлении русскому люду «вольной волюшки». И на что только не пойдешь, чем только не пожертвуешь ради общего дела.

В конце романа автор проведет параллель между Степаном Разиным и Иисусом Христом, вложив в уста Матвея Иванова размышления о сходстве похода Степана Разина с вхождением Иисуса в Иерусалим. Оба они взойшли на плаху ради общего дела – ради жизни и счастья. Казнь вожака крестьянского бунта в романе есть аллюзия на библейский мотив – распятие Иисуса Христа: *Затем ехал Степан на большой телеге с виселицей. Под этой-то виселицей, с перекладины которой свисала петля, был распят грозный атаман – руки, ноги*

и шея его были прикованы цепями к столбам и к перекладине виселицы. Одет он был в лохмотья, без сапог... [Шукшин 1998, кн. 6, с. 378].

В.М. Шукшин, воспроизводя события XVII века и воссоздавая образ Степана Разина, опирался не только на исторические документы, но и на произведения фольклора, поскольку считал, что это «герой, чья личная судьба не принадлежит ни ему, ни историкам, ни художникам: она – достояние народа» [Шукшин 1998, кн. 5, с. 537], что никому никогда не перепрыгнуть тот образ, который создал народ [Шукшин 1998, кн. 6, с. 392]. Можно предположить, что эти тексты послужили одним из важнейших источников при написании романа, поскольку осмысление этой персоны основано на разрешении древнейшей семантической оппозиции ‘свой – чужой’, где левый полюс включает в себе сему ‘*близкий по взглядам*’ и характеристики несут положительные коннотации (батюшка, батюшка, атаманушка, батюшка-атаман и другие), а правый полюс ‘*чужой*’ содержит отрицательные коннотации: разбойник, изменник, богоотступник, поганец, сатана и другие: – *Здравствуйте, батюшка Степан Тимофеич! – заорали стрельцы и астраханцы* [Шукшин 1998, кн. 6, с. 279]; – *Батюшка-атаман, пособи им... родненький* [Шукшин 1998, кн. 6, с. 101]; – *А Волга-то, Степушка, горит.<...> А атаманушка тут – без войска. А они там, милые, без атамана* [Шукшин 1998, кн. 6, с. 346]; *Нету ведь у нас никого боле – ты нам и царь, и бог. И начало. И вож* [Шукшин 1998, кн. 6, с. 324]. — – *Знамо, он [Степан Разин] – подлец отпетый*, – *сказал митрополит...* [Шукшин 1998, кн. 6, с. 76]; – *<...> Но кто хочет, в надежде на бога, получить блага и наслаждения со всеми святыми, тот пострадает с нами в эту ночь и в это время, не склоняясь на прельщения богоотступника Стеньки Разина* [Шукшин 1998, кн. 6, с. 276]; [*Митрополит*]: – *<...> Это вам не Заруцкий, это сам сатана идет* [Шукшин 1998, кн. 6, с. 274]; – *Ах, поганец! – сокрушился воевода. – Что учинил, разбойник!* [Шукшин 1998, кн. 6, с. 96].

Наряду с оппозицией ‘свой – чужой’ для древнеславянской картины мира особую значимость имела также оппозиция ‘*жизнь – смерть*’. Данное противопоставление является одним

из ключевых в тексте романа, и его реализация также связана с образом Степана Разина. На протяжении всего произведения превалирует правый полюс оппозиции, и тема смерти является сквозной в романе:

1. Мысли и думы о смерти преследуют Степана:

Степан долго молчал, сосал трубку, смотрел вниз.

– Утро ясное, – сказал он вдруг. – Не в такое бы утро помирать. А? – и глянул на есаула пытливо и весело [Шукшин 1998, кн. 6, с. 162].

2. О смерти ведут беседу Степан и Матвей Иванов:

Как-то под вечер атаман ехал рядом с Матвеем Ивановым. Разговорились про смерть. Совершенная внутренняя свобода Разина, постоянная работа ума, беспокойная натура – силы, которые сибибали его с мыслями трудными, неразрешимыми. То он не понимал, почему царь – царь. <...> То он вдруг перестал понимать смерть – человека нету. Как это? Совсем? <...> Для чего же все было? <...> Смерть... Да что это, что?

– Степушка, – посмеялся Матвей, – покойников-то на земле больше, чем живых.

– Хреновина выходит, Матвей: одни черви и живут на земле? А мы для чего?

– Для прокорма ихного?

– Выходит, так [Шукшин 1998, кн. 6, с. 255].

3. Скорою погибель Разина предчувствуют близкие и незнакомые ему люди:

– Погибнет он, чует мое сердце, – с ужасом сказала Алена [Шукшин 1998, кн. 6, с. 195].

4. Смертный дух, исходящий от атамана, учуял казак одной из станиц, в которой остановились повстанцы:

– <...> И ты, Степан, не жилец на свете. От тебя смертью пахнет.

Степан и Ларька уставились на казака.

– Смертью пахнет, – пояснил тот. – Как вроде травой лежалой. Я чую, когда от человека так пахнет. Значит, не жилец.

– А от тебя не пахнет? – спросил Степан.

– *От себя не учуешь. А вот у нас в станице – кто бы ни помирал – я наперед знаю. Подойдешь – даже лихотит, до того воняет. Скажешь человеку – не верит, пройдет время, глядишь: отдал богу душу. Или на войне срубют, или своей смертью помрет. Я – такой. Меня даже боятся. А от тебя сейчас крепко несет. Срубют тебя, Степан, на бою* [Шукшин 1998, кн. 6, с. 359].

Особое место в романе занимает сцена появления старухи-кликуши на празднике, посвященном взятию Самары. В уста кликуши автор вкладывает похоронный причет, обращенный к живому Степану Разину:

– *Ох, да радимы-ый ты наш, сокол ясный!.. Да как же тебе весело гуляется-то!.. Да на вольной-то во-олюшке. Да праздничек ли у тя какой, поминаньице ли-и?..*

Причет старухи – дикий, замогильный – подкосил песню. Опешили. Смотрели на старуху. Она шла к Степану, глядела на него немигающими ясными глазами, жуткая в ранних сумерках, шла и причитала:

– *Ох, да не знаешь ты беду свою лютую, не ведаешь. Да не чует-то ее сердечушко твое доброе! Ох-х... Ох, пошто ж ты, Степушка!.. Да пошто ж ты, родимый наш!.. Да ты пошто ж так снарядился-то? А не глядишь и не оглянешься!.. Ох, да не свещует тебе сердечушко твое ласковое! И не подкажет-то тебе господь-батюшка – вить надел-то ты да все черное!* [Шукшин 1998, кн. 6, с. 315–316].

Причитание старухи-кликуши, как пишет Я. П. Редько, «напоминает плач по мужу», однако «названный «ясным соколом» Разин оплакивается как сын (сын в причитании мог называться «злотокрылым ясным соколом»)». Создавая эту сцену, автор «акцентирует внимание на сложности и противоречивости разинской натуры, которую со всей очевидностью ощущает и сам народ. С одной стороны, для простых людей Степан Разин – «надежда», «заступник», «батюшка», выполняющий функции главы большой семьи, с другой стороны, он – «сын», вскормленный народом, впитавший его положительные и отрицательные черты» [Редько: 1999, с. 24].

На характер освоения фигуры Степана Разина на уровне художественного сознания немалое влияние оказали и особен-

ности авторской концептуализации этой личности, что наиболее ощутимо на последних страницах романа. Трагичен финал произведения: терпит поражение восстание под предводительством Степана Разина. Однако казачий и крестьянский атаман у В.М. Шукшина выходит победителем, а не побежденным: он выполнил свою задачу, осуществил свою земную миссию, что видно из разговора между Фролом Минаевым и Степаном Разиным, когда его, связанного по рукам и ногам, везут в Москву:

– Хотел дать людям волю, Фрол. Я не скрывать, всем говорил. И тебе говорил, ты только не захотел понять. Мог-то ты, мог – не захотел.

– А чего из этого вышло? <...>

– А чего вышло? Я дал волю, – убежденно сказал Степан.

– Как это?

– Дал волю... Берите!

– Ты сам в цепях! Волю он дал <...>.

– Дал [Шукшин 1998, кн. 6, с. 375].

Этот диалог отражает и имплицитно характеризует самого Степана Разина. Вот какой комментарий к этой сцене дал В. Распутин: «Не может быть никаких сомнений: речь идет о духовной воле, о внутреннем раскрепощении человека, об изгнании из себя раба и осознании своей личности. В этом смысле Степан Разин сполна выполнил свою задачу: он действительно дал людям волю. Размахом поднятого им казацкого и мужицкого бунта он показал возможность народной силы и внушил народу, несмотря на поражение восстания, великую веру в себя» [Распутин 1984, с. 38–39].

Таким образом, анализ произведений В.М. Шукшина позволил сделать следующие выводы:

1. Фигура Степана Разина в творчестве В. М. Шукшина, во-первых, воспринимается читателем как личность, соотносимая с конкретной исторической эпохой, а во-вторых, становится воплощением национально-культурных черт русского народа, основных характеристик этноса.

2. В текстах произведений В.М. Шукшина имя Степан Разин на уровне вертикального контекста соотносится с Иису-

сом Христом, Георгием Победоносцем, героями былинного эпоса.

3. Степан Разин является ключевой фигурой авторской картины мира. Для В.М. Шукшина он герой, который силой поднятого восстания пробудил в народе желание освободиться от внешних оков, дал ему духовную, внутреннюю волю.

4. Одним из способов расширения пространства художественного дискурса является использование национально маркированного имени, которое выступает как архетип национального характера, свернутый национально-культурный текст.

Библиография

Бердяев Н.А. Русская идея // Вопр. философии. – 1990. – №1. – С. 77–144; № 2. – С. 87–54.

Гурская Ю.А. Культурогенные возможности лингвистического знака: ключевые имена в русском и белорусском языках: дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.01 и 10.02.02. – Минск, 1995. – 161 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз., 1978. – Т. 3.

Золотусский И. «Совесь, совесь, совесь...» // Шукшинские чтения: Статьи, воспоминания, публикации / сост. В. Ф. Горн. – Барнаул: Алт. книжн. изд., 1984. – С. 41–49.

Лебедев Е. Главная несыгранная роль // Искусство кино. – 1979. – № 7. – С. 103–104.

Ли Инаннь. О русском национальном характере и его связях с русской историей и культурой // Русский язык, литература и культура на рубеже веков. IX Междунар. конгресс МАПРЯЛ: тез. докл. и сообщ.: в 2 ч. – Братислава, 1999. – Ч. 2. – С. 153–154.

Лосев А.Ф. Диалектика мифа. – Режим доступа: <http://www.modernlib.ru>.

Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Труды по знаковым системам. Ученые записки / Тарт. гос. ун-т. – Тарту, 1987. – Вып. 754. – С. 10–21.

«Непросто говорить о Шукшине...» // Шукшин В.М. Собр. соч.: в 6 кн. – М.: «Надежда-1», 1998. – Кн. 6. – С. 429–460.

«Перед многомиллионной аудиторией»: Беседа с корреспондентом «Литературной газеты» И. Гуммером // Шукшин В. М. Собр. соч.: в 6 кн. – М.: «Надежда – 1», 1998. – Кн. 5. – С. 531–544.

Распутин В. «Твой сын, Россия, горячий брат наш...» // Шукшинские чтения: статьи, воспоминания, публикации / сост. В. Ф. Горн. – Барнаул: Алт. кн. изд., 1984. – С. 12–49.

Редько Я.П. Плач по Степану Разину в романе В. М. Шукшина «Я пришел дать вам волю» // Провинциальная экзистенция. К 70-летию со дня рождения В. М. Шукшина: тез. докл. V Всерос. науч. конф. – Барнаул, 21–23 июля 1999 г. / Алтайский ун-т. – Барнаул, 1999. – С. 23–24.

«Степан Разин: легенды и быль»: Беседа с корреспондентом «Литературной газеты» И. Гуммером // Шукшин В. М. Собр. соч.: в 6 кн. – М., 1998. – Кн. 6. – С. 390–394.

Тюрин Ю.О. О героическом характере (Замысел фильма «Степан Разин») // Кино и время. – 1979. – Вып. 2. – С. 75 – 79.

Шукшин В.М. Собр. соч.: в 6 кн. – М., 1998.

Явинский В. Кто были предки Шукшина // Советская культура. – 1979. – 28 сентября. – С. 5.

Given name as a medium of national culture and its representation in the art discourse

The certain names, whose bearers embody a certain era, have extremely national connotations and combine the main characteristics of a particular ethnic group, can be emphasized in the history of every nation. One of the key figures that express symbolically the Russian national character is Stepan Razin. The goal of this study is to identify the conceptualization's features of the name *Stepan Razin* in the art world-view by Vasily Shukshin. For Shukshin he has become, first of all, the most striking historical person, to whom the writer had considered to be related hereditarily. And secondly, for the author Stepan Razin was a hero who fomented the uprising and so awakened the people's desire to cast off their external chains, gave them spiritual, inward will. In his works Vasily Shukshin compared the name "Stepan Razin" in the vertical context with Jesus Christ, St. George the Victorious, the heroes of the Russian epos. The use of this national name, which acts as an archetype of the national character as well as the succinct cultural text, helps to expand the boundaries of the art discourse.

Key words: national-cultural text, artistic discourse, national branded name, cultural code, cognitive space writer, vertical context.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Балуш Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент Минский государственный лингвистический университет (Беларусь, г. Минск).

ABOUT THE AUTHOR

Balush Tatiana, docent, candidate of philological sciences, Minsk State Linguistic University, Belarus, Minsk
Scientific interests: cognitive linguistics, phraseology, conceptual analysis